

СПЕЦНАЗЪ

ГОСУДАРЕВЪ

И слух ласкает сабель звон

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

Бабник,
дуэлянт,
пьяница –
словом,
герой!

Спецназ государев

Сергей Зверев

И слух ласкает сабель звон

«ЭКСМО»

2008

Зверев С. И.

И слух ласкает сабель звон / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2008 — (Спецназ государев)

1916 год. Германия готовится бомбардировать Россию, Францию и Англию ипритовыми бомбами. Красавец-герой поручик Голицын предложил нескольким отчаянным русским офицерам пробраться в тыл противника и уничтожить базу, на которой дислоцируются дирижабли-бомбардировщики. В качестве транспортного средства для преодоления линии фронта поручик выбрал воздушный шар. В сопровождении боевого товарища Кураева и французского пилота Голицын отправляется в опасный полет...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	21
ГЛАВА 6	24
ГЛАВА 7	27
ГЛАВА 8	30
ГЛАВА 9	33
ГЛАВА 10	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Зверев

И слух ласкает сабель звон

ГЛАВА 1

Конец сентября 1916 года во Франции выдался туманным. Природа словно хотела скрыть в пелене то, что уже более двух лет творилось на просторах Европы – войну, так резко изменившую жизнь целых народов. В Париже на Монмартре был поздний вечер. Затейливо изгибающиеся узкие изогнутые улочки были похожи на паутину, по которой сновали прохожие. Над кварталами царил огромный купол собора Святого сердца.

Монмартр – самое высокое место во французской столице и по праву считается одним из наиболее живописных мест Парижа. Расположен он на холме, где, по преданию, был обезглавлен святой Дени – первый епископ Парижа. Монмартр уже долгое время являлся притягательным центром для тех художников, для которых вести богемную жизнь означало прежде всего жить свободно, посвятить себя только искусству и отказаться от всех условностей внешнего мира. Улочки, старинные магазинчики, задымленные кафе – все дышало их искусством, их неторопливым образом жизни.

У подножия холма – один из центров ночной жизни города. От площади на запад уходит бульвар Клиши, выходящий на площадь Бланш, на которой стоит знаменитое кабаре «Мулен Руж». С холма открывается вид на город: собор Парижской Богоматери, Опера, Лувр, Триумфальная арка, Эйфелева башня – весь город лежит как на ладони. Это место издавна привлекало к себе массу туристов. Война изменила многое – туристов больше не было. Однако, несмотря на позднее время, жизнь здесь была ключом. Учитывая то, что квартал вокруг площади Пигаль всегда считался пристанищем разврата, то не было недостатка и в дамах легкого поведения. По улицам катили фиакры, грузовики-камионы, шли пешеходы.

Двухэтажный домик – небольшой кафешантан под названием «Лев и Магдалена», как обычно, принимал посетителей. На сцене выступала томного вида певичка с неплохим голосом, исполнявшая традиционные для таких заведений композиции. Нежно играл аккордеон, скрипка навевала осеннее настроение. Публика в зале была разная, но среди посетителей, конечно, привлекал внимание не совсем обычный клиент – гвардии поручик Голицын, молодой офицер лейб-гвардии гусарского полка. Его форма с боевыми наградами и трехцветная повязка на рукаве, которую носили русские офицеры во Франции, внушала посетителям уважение: к этим союзникам французы относились особенно радушно, что и неудивительно: поручик прибыл во Францию в составе 3-й Особой пехотной бригады Русского экспедиционного корпуса.

Кампания 1914 года показала, что начавшаяся война, вопреки ожиданиям многих, будет носить затяжной характер и сопровождаться огромными потерями, а следовательно, потребуются живая сила и техника. Уже через полгода Россия испытывала острый дефицит в стрелковом вооружении и боеприпасах, а Франция, в свою очередь, – в пополнении армии людскими ресурсами. Когда Россия обратилась к союзнице с просьбой оказать помощь вооружением, особенно винтовками и боеприпасами, Франция выдвинула контрпредложение – отправить из России на Западный фронт несколько пехотных корпусов, которые на месте получают необходимое оружие. В итоге русское верховное командование приняло решение о формировании и отправке на фронт в помощь союзникам особых пехотных бригад.

Всего было сформировано четыре бригады, по два полка каждая, общей численностью в семьсот пятьдесят офицеров и сорок пять тысяч унтер-офицеров и солдат, прибывших во Францию. Первая и третья бригады остались воевать на французском фронте, в Шампани, а

вторая и четвертая, согласно планам Антанты, были переправлены на Салоникский фронт, в Македонию.

Третья бригада численностью в девять с половиной тысяч человек, в составе которой прибыл поручик, состояла из наиболее храбрых солдат, в основном георгиевских кавалеров с прусского фронта и самых заслуженных офицеров. К этому времени поручику тоже не пришлось сидеть в тылу сложа руки. Голицын побывал на самых разных участках германского и австрийского фронтов, и надо сказать, не без пользы.

Третья бригада отправилась из Архангельска на восьми пароходах и прибыла в Сент-Назер и Нант без потерь восемнадцатого сентября 1916 года.

Юридически общее руководство корпусом осуществлял представитель русской армии во Франции, в оперативном отношении русские войска подчинялись командованию французской армии.

Во Франции с восторгом приняли русских «братьев». Устраивались пышные встречи, цветы устилали мостовые в тех городах, куда прибывали пароходы с востока.

Вот и сейчас, сидя за столиком, поручик ловил на себе приветливые взгляды и улыбки парижан. К нему несколько раз подходили, угощали шампанским, произнося речи о братстве, союзнических обязательствах и помощи.

Пребывание поручика в такой момент не на передовой, где находилась бригада, а в Париже, да еще и в кафе имело свое объяснение. Начальник бригады генерал-майор Марушевский отправил его как проверенного и надежного офицера с пакетом, предназначенным для французского генштаба. Какого свойства пакет, поручик, естественно, не знал. Здесь, в кафе-шантане, ему и была назначена полуконспиративная встреча. Почему встреча должна была состояться здесь, а не официально в генштабе, тоже было понятно: чтобы не «светиться» перед германской агентурой, которой французская столица была буквально нашпигована. Германцы достигли в этом деле весьма впечатляющих успехов.

Голицын оценил, что, несмотря на войну, на Монмартре царил вполне праздничная атмосфера. Со стороны «Мулен Руж» доносились звуки канкана, в толпе сновали мальчишки, сующие направо и налево разнообразную рекламу. Можно было хоть ненадолго расслабиться после долгого путешествия на пароходе и разнообразных организационных проблем, связанных с прибытием во Францию.

– Прошу вас, господин офицер, – закуску поручику принес сам хозяин. Лицо ресторатора выражало искреннюю приязнь и уважение. – Сегодняшний ваш ужин – угощение от нашего заведения. Мы очень рады видеть представителя союзников у себя.

– Благодарю вас.

– Нет, что вы, это мы должны благодарить вас, – с приветливым видом развел тот руками. – Заказывайте, отдыхайте, наслаждайтесь Парижем.

Хозяин удалился.

Голицын наслаждался прекрасным ужином, отличной атмосферой, царившей в заведении, и выпавшими минутами отдыха. Представитель французского генштаба должен был появиться минут через сорок.

Неожиданно с улицы донеслись крики, быстро перешедшие от одиночных к гулу. Люди из кафе высыпали наружу. Поддавшись общему порыву, поручик также вышел за двери. Все смотрели вверх. Голицын тоже поднял голову. В первые мгновения ничего особенного в ночном небе он не увидел, но вот в лунном свете, сквозь просветы туч показался странный сигарообразный корпус, тут же скрывшийся в тумане. Парижане в панике, с криками, разбегались кто куда. Поручик, испытывая недоумение, прищурился, еще не совсем понимая причины беспокойства. Но вот с темных небес со свистом полетело нечто черное. Через несколько секунд в соседнем квартале раздался взрыв. Затем – еще один, затем два подряд.

– Боши! Цеппелин! Бомбы! – закричал какой-то парижанин поручику, указывая на небо. Затем господин, потеряв шляпу, бросился бежать вниз по улице.

Движение на улицах замерло. Тысячи людей, кто на бегу, кто стоя, провожали глазами продолговатые силуэты цеппелинов, казалось, мирно плывущие среди осеннего неба, в облаках. Время от времени лучи прожекторов касались боков несущего смерть корабля, и тогда его корпус начинал светиться лунно-желтым светом. Город сотрясали разрывы бомб. Смерть и разрушение пришли в Париж. Отчаянно лаяли зенитки, пытаясь поразить шрапнелью неуязвимого врага. К грохоту канонады и вою сирен постепенно добавлялся звон церковных колоколов. В эту ночь один из самых больших городов на Земле превратился в поле битвы. Десятки тысяч мирных мужчин, женщин и детей до сих пор не подозревали, какую опасность может таить в себе парижское небо. Дирижабли заставили целый город сжаться от ужаса. На четверть часа война вошла в жизнь каждого парижанина.

Голицын, стоя на улице в некоторой растерянности от невиданного доселе зрелища, наблюдал, как лучи прожекторов прорезали облака; казалось, будто весь Париж был разбужен этой борьбой в необъятном пространстве. Со всех сторон свистела шрапнель, слышались взрывы.

В этот момент прямо над головой поручика послышался жуткий свист, очень быстро перешедший в грохот. На улицу брызнули большие и маленькие осколки стекла вместе с кирпичным крошевом. В дверях кафешантана показался хозяин заведения. Он, покачиваясь, вытирал рукавом окровавленное лицо. Голицын побежал навстречу.

– Туда, мсье... – пробормотал хозяин, тяжело дыша и еле ворочая языком. – Скорее... у меня подкашиваются ноги.

И правда, вслед за этим мужчина в изнеможении опустился на мостовую.

Вбежав внутрь, поручик увидел стоявшую за стойкой миловидную и элегантную девушку, замеченную им еще до взрыва. Она была в шоке: стояла неподвижно, замерев, словно манекен.

И было от чего – прямо над стойкой... висела неразорвавшаяся авиабомба, сброшенная с дирижабля. Пробив крышу перекрытия, она чудом удерживалась на перьях стабилизатора. С первого взгляда поручику стало ясно, что сейчас достаточно малейшего сотрясения, чтобы она свалилась и случилось непоправимое. Да и без какого-то ни было толчка она могла сама по себе упасть на пол.

Этого поручик никак не мог допустить. Быстро пододвинув столик, русский офицер влез на него и, подставив плечи, стал удерживать смертоносный предмет, словно атлант.

К счастью, основную тяжесть взяли на себя перекрытия, поэтому бомбу приходилось лишь придерживать.

– Не волнуйтесь, мадемуазель, – ободряюще усмехнулся офицер.

– Боже мой! – наконец очнулась от шока девушка. – Как же это, мсье?

Она заметалась по залу, лихорадочно соображая, что же предпринять. За спиной, в дверях захрустели осколки, и в разгромленное кафе вошел французский офицер.

– Элен! Ты жива? – бросился он к девушке.

– Как видишь – и только благодаря мсье... – вопросительно посмотрела она на спасителя.

– Поручик Голицын, – представился тот, находясь в таком странном и необычном положении.

– Так это вы?! – изумился француз, наконец заметив поручика. – Я представитель генштаба капитан Дидье Гамелен.

– К сожалению, не могу отдать вам честь, – нашел в себе силы пошутить Голицын. – Прошу меня извинить, что не могу вручить пакет лично в руки. Не соблаговолите ли взять его из моей планшетки? – с присущей ему куртуазностью закончил Голицын своеобразное приветствие.

– Я поражен, мсье, – пробормотал французский офицер, глядя на поручика снизу вверх. – Я поражен вашим мужеством.

Представитель генштаба смотрелся по виду эдаким добрым буржуа, лишь по недоразумению облаченным в офицерскую форму.

– Ничего, бывает, – сострил поручик, подставляя правое плечо под немецкий «подарок».

– Так, секундочку, – капитан бросился к телефону и вызвал саперов. – Немедленно! – кричал он в трубку. – Промедление смерти подобно.

Пока ехала подмога, капитан и Элен наперебой предлагали поручику помощь – то в виде рюмочки коньяку, то в виде разговора, чтобы снять напряжение.

– Смешных историй мне попрошу не рассказывать, – предупредил Голицын – Небезопасно.

Наконец прибывшая саперная команда осторожно сняла неразорвавшуюся бомбу. Медики и дочь оказали хозяину первую помощь.

– Незначительная контузия, – сообщил врач, – никаких причин для волнений.

– Кстати, это место я выбрал неслучайно для нашей встречи, – сообщил Гамелен поручику после того, как саперы и медики отбыли спасать других. – Ведь «Лев и Магдалена» принадлежит моему дяде Жаку Готуа, а Элен, соответственно, – моя племянница.

– Точно так, мсье, – устало, но приветливо улыбнулся хозяин. Взбодрив себя стаканчиком коньяку и залепив пластырем порезы, он уже более-менее пришел в себя. – Да, убытков мне принесли боши немало. Но ничего, главное, что все обошлось.

Далее поручику пришлось выслушать множество благодарностей от хозяина и его дочери. И если к словам первого он отнесся спокойно, то ко второй – иначе. Девушка уселась с ними за стол, и в ее присутствии он испытывал волнение.

– Я прошу меня извинить, но сами видите, – обвел хозяин рукой заведение, указывая на царившую вокруг разруху. – Буду заниматься ликвидацией последствий бомбежки.

Вместе с работниками ресторатор принялся за уборку.

– Я ваш должник, – Гамелен был искренне тронут.

– Ну что вы, – отозвался Голицын. – Так поступил бы любой русский офицер на моем месте.

– Мсье, я восхищен русскими офицерами! – пылко произнес капитан. – Не хотите ли отужинать со мной в одном очень хорошем месте? Тем более что, как видите, это заведение вынуждено будет закрыться на некоторое время на ремонт.

– Да я даже не знаю... – замялся Голицын.

– Надеюсь, кухня составит нам компанию? – хитро улыбнулся Дидье Элен.

– Ну, конечно... – кивнула девушка.

– Я согласен. – В удовольствии пообщаться с Элен поручик не мог себе отказать.

ГЛАВА 2

– Рассказывайте же подробнее, капитан, – нетерпеливо произнес генерал Хельмут Мольтке, глядя на человека, стоявшего перед ним. – Присаживайтесь.

– Благодарю вас, господин генерал, – офицер с воспаленными от бессонницы красными глазами уселся напротив.

Ранним утром после большого налета все германские цеппелины только что вернулись на базу в окрестностях Кельна. Бомбили не только Париж, но и Лондон: результаты превзошли все ожидания. Капитан Питер Штрассер, командовавший всеми германскими дирижаблями, едва успев переодеться, явился на доклад к начальнику немецкого генштаба. У Штрассера были все основания гордиться результатами работы своего дивизиона.

– Так вы говорите, все прошло успешно?

– Более чем, господин генерал. Французы и англичане деморализованы, потерь никаких. Пойдем по порядку: атаку на Париж осуществили шесть наших цеппелинов. Нападение стало полной неожиданностью для французов, тревогу они подняли лишь за несколько минут до падения первой бомбы. Результаты бомбардировки были великолепными: на Париж и окрестности обрушилось две с половиной тысячи килограммов бомб, повреждено значительное количество строений в центре города, – сообщил капитан.

Питер Штрассер был личностью известной. Еще в возрасте пятнадцати лет он поступил на службу в германский военный флот, служил на кораблях. Затем поступил на обучение в Морскую академию, стал заметным специалистом морской артиллерии. Впоследствии перевелся из артиллерии в морскую авиацию, где дважды выигрывал стрельбы на приз кайзера Вильгельма. Войну встретил в должности командира дивизиона воздушных кораблей морского флота Германии. Офицер пропагандировал воздухоплавание в высшем командовании ВМФ и смог убедить адмирала фон Тирпица, давшего ему за энергию и одержимость прозвище «сумасшедший лейтенант», в перспективности дирижаблей и их необходимости для флота. В начале войны флот использовал дирижабли для морской разведки, патрулирования Северного и Балтийского морей и для установки минных заграждений. Штрассер же доказывал начальству, что дирижабли как нельзя лучше подходят для полетов в сложных метеоусловиях, для ночной бомбардировки удаленных объектов. Штрассер убедил компанию Цеппелина произвести к середине 1915 года 28 дирижаблей, способных долететь до Британских островов.

«Когда, наконец, армия поймет, что дирижабли не предназначены для ведения разведки и рекогносцировки?» – возмущался Штрассер. Он не стеснялся высказывать свое возмущение и высокому военному начальству, ратовавшему за отказ от использования цеппелинов в военных целях. «Разведка над линией фронта и в тылу – дело самолетов, маленьких, легких, быстрых. Они мало уязвимы от огня с земли. Стихия дирижаблей – полеты ночью, в плохую погоду и обязательно на большой высоте. Их задача – подкрасться незаметно и обрушить на голову врага груз фугасных и зажигательных бомб».

Штрассер был уверен, что именно он, как древний галл, принесет войну на берега надменной Англии и заставит противника капитулировать в своем собственном логове.

«Сегодня мы владеем цеппелинами, являющимися самым современным оружием, и похоже, наши потенциальные противники понимают это, поэтому наша задача – постоянно и с большой энергией работать над его совершенствованием. Сверх того, мы должны в срочном порядке разработать стратегию и тактику применения воздушных кораблей, которые должны своей мощью в самом начале войны сломить физическое и моральное сопротивление любого противника», – писал он в своих рапортах «наверх».

Нельзя сказать, что командование военно-морского флота Германии единодушно поддержало порыв «сумасшедшего лейтенанта». Многие адмиралы старой закалки, ревниво отно-

сившиеся к успехам новых видов оружия вроде подводных лодок и дирижаблей и слепо верившие в то, что «дредноут» по-прежнему является «царем зверей» среди прочей водоплавающей мелюзги, довольно резко критиковали план Штрассера. Их главными аргументами против рейдов в Англию выступали малая бомбовая нагрузка цеппелинов и их высокая уязвимость от зенитного огня.

Но Штрассера не так-то просто было сбить с пути, который он считал единственно правильным в сложившейся ситуации.

«Да, один залп линкора весит в несколько раз больше, чем бомбовая нагрузка самого большого дирижабля, – соглашался он. – Но линкоры флота заперты англичанами в гаванях и в принципе не могут обстреливать британское побережье. Очевидно, что любой броненосец, прорвавшийся в устье Темзы, способен „переколотить очень много посуды“ на „военной кухне“ англичан. Только вот добраться туда ему не позволит ни британский флот, ни батареи береговой обороны. А цеппелин под покровом ночи незаметно проскользнет над Северным морем и нанесет спящему Джону Булю удар прямо в спину».

Во время войны Штрассер лично участвовал в рейдах дирижаблей. Прошло всего три года, и под его началом дивизион превратился из команды авантюристов с одним маленьким цеппелином в элитную боевую часть, название которой произносили с одинаковым уважением и немцы, и их противники в Первой мировой войне.

– Теперь по Англии. Здесь я уже могу говорить, как участник, – приосанился капитан. – Дирижабли, после randevу над Северным морем, взяли курс на Лондон. В бой шла внушительная воздушная армада – пять цеппелинов, длиной сто шестьдесят метров каждый, несшая вместе более четырехсот сорока зажигательных и фугасных бомб.

– Как встретили? – поинтересовался начальник генштаба.

– Нас никто не ждал, и поэтому Лондон сиял огнями, как рождественская елка. Ни один луч прожектора не поднялся нам навстречу, ни один выстрел не прозвучал до тех пор, пока мы не начали сбрасывать бомбы, – довольно говорил капитан. – Искусно уклоняясь от зенитного огня и лучей прожекторов, мы около пятнадцати минут кружили над городом. Мы сбросили свой смертоносный груз на различные цели, в том числе на доки и заводы в северной части города, не говоря уже о том, что и над центром города поработали неплохо. Были вызваны значительные разрушения и пожары. Так закончился первый массовый налет дивизиона воздушных кораблей на Лондон.

Внешне капитан Штрассер меньше всего походил на матерого воздушного волка. Небольшого роста, с широко посаженными глазами и смешной козлиной бородкой, он скорее напоминал мелкого железнодорожного клерка. И только люди, хорошо знакомые с ним, понимали, насколько обманчива эта добродушная внешность. Капитан был знающим и жестким командиром. Начиная какое-нибудь дело, он отдавался ему с энтузиазмом, переходящим в одержимость. Штрассер не мог работать вполосилы и требовал того же от подчиненных. Кроме того, командир дивизиона не терпел малейших проявлений недисциплинированности или беспечности, что, учитывая в прямом смысле взрывоопасный характер его новой службы, было несомненным плюсом.

– Мы готовы к тому, чтобы превратить Лондон в руины, – уверенно заявил Штрассер.

– А что англичане?

– Система ПВО в очередной раз дала осечку. Из пяти самолетов, поднятых по тревоге, два разбились на посадке, а зенитные батареи стреляли «в белый свет, как в копеечку».

В Штрассере удивительным образом в равной степени уживались сентиментальность и жестокость. Наряду с крайней жестокостью к врагам Германии он являлся отличным семьянином, любителем Шумана и Брамса.

Мольтке, сдвинув брови, внимательно слушал вдохновенный доклад капитана, пока никак не выдавая своей реакции.

– Я бы хотел сказать, господин генерал, что цель бомбардировок Англии и Франции заключается не только в физическом разрушении ее военной промышленности и инфраструктуры, а в подрыве боевого духа противника, создании паники в тылу врага. Результаты налетов немецких воздушных кораблей оцениваются не только количественными показателями, – горели от возбуждения глаза Штрассера. – Чтобы отбиться даже от одиночного воздушного рейдера, англичанам придется попотеть.

– А именно?

– Строить новые аэродромы, отводить с фронта эскадрильи истребителей, так необходимые на Западном фронте, оборудовать прожекторные и звукоулавливающие станции, постоянно увеличивать число зенитных батарей, прикрывающих крупные города и центры военной промышленности. Соответственно мероприятия по затемнению нарушат ритмичность работы промышленности и транспорта, что негативно скажется на выпуске военной продукции. В обществе будет нарастать недовольство бессилием военных и их неспособностью предотвратить жертвы среди мирного населения, – развивал «сумасшедший капитан» свои идеи. – Моральный дух жителей столицы и крупных городов Англии упадет. Люди будут эвакуироваться на север страны или в сельскую местность. Еще немного, и в стане врага начнется самая настоящая паника.

– Потери? – Мольтке напоминал бухгалтера, скрупулезно учитывающего все.

– А что касается возможных потерь, так ни одно сражение не может быть выиграно без крови и жертв. К сожалению, в военных действиях это неизбежно, господин генерал. Но пока, как видите, их вообще не было. Я и мои подчиненные являются верными солдатами кайзера и готовы умереть, если это потребует. Боевой дух в дивизионе воздушных кораблей необычайно высок, материальная часть находится в полном порядке!

Несмотря на такой натиск и приведенные факты, Мольтке, однако, был не слишком доволен. Слушая собеседника, начштаба взял лист бумаги и арифмометр и стал педантично подсчитывать, сколько стоит один вылет цеппелина.

– Я думаю придать большее значение зажигательным бомбам, наполненным бензолом, и сейчас разрабатываю операцию по сбросу шести тысяч десятикилограммовых бомб на Лондон с привлечением двадцати дирижаблей. Во время горения температура пламени достигает три тысячи градусов, что создает большие проблемы с их тушением, – выложил новый проект «сумасшедший капитан».

– Я понимаю, – процедил Мольтке. – Зажигательные бомбы – вообще вещь ненадежная. Насколько я знаю, обычно четверть из них не срабатывает.

– Мы усовершенствуем их...

– Все это очень дорого, – махнул рукой генерал. – Германия, особенно теперь, в момент наивысшего напряжения сил, не может себе позволить тратить деньги налево и направо. Убито примерно... ну скажем, двести пятьдесят французов и англичан. То есть, – продолжил он, – одна вражеская смерть стоит пятьдесят две марки и двадцать три пфеннига, что недопустимо для казны. Мы с вами, дорогой капитан, в трубу вылетим с такой арифметикой. По моему мнению, жизнь врага, будь он француз, британец, русский, – вообще ничего не стоит. Вот если бы удешевить убийства врагов до минимума...

Штрассер удивленно глядел на генерала, напоминавшего сейчас бездушную счетную машину. Ответ не находился.

– А такой способ, кажется, есть, – закончил начштаба.

Потерев висок, Мольтке надавил кнопку электрического звонка, вжав ее до отказа в полированную поверхность стола. Ожидание не оказалось долгим. Спустя двадцать секунд на пороге появился адъютант. На физиономии лейтенанта было написано подобострастное желание выполнить распоряжение высокого начальства.

– Послушайте, Вилли, приведите этого... посетителя. Ведь он уже битый час дожидается, не правда ли?

– Так точно, господин генерал, – кивнул офицер. – Ждет.

Мольтке откинулся на спинку кресла, прищурившись и глубоко вздохнув. Задуматься было о чем: война, ставшая позиционной и затяжной, похоже, не предвещала быстрой победы.

Вновь открывшиеся двери кабинета явили офицерам посетителя.

– Гельмут Эккенер, – представил адъютант гостя.

– Здравствуйте, господа, – осклабился плюгавый мужчина в потертом сюртуке.

Посетитель оказался химиком со стажем, несколько «повернутым» на своем деле. В чем-то он даже походил на Штрассера – в своей фанатичности и энергии. Чего-чего, а этого у Эккенера оказалось с избытком. Горя желанием применить на практике свои измышления, он с ходу взялся за дело. Предложение химика с лисьей мордочкой сводилось к следующему: если бомбы, которые будут сбрасываться с дирижаблей, наполнять не взрывчатым веществом, а ипритом, уже успешно использовавшимся против французов, то результаты могут превзойти все ожидания.

Офицеры кое-что знали об этом веществе, но Эккенер прочел им подробную лекцию. Впервые иприт был применен Германией в июле 1915 года против англо-французских войск у бельгийского города Ипр, откуда и произошло его название. Вещество обладает поражающим действием при любых путях проникновения в организм. Поражения слизистых оболочек глаз, носоглотки и верхних дыхательных путей проявляются даже при незначительных концентрациях иприта. При более высоких концентрациях наряду с местными поражениями происходит общее отравление организма. В тяжелых случаях развивается воспаление легких, смерть наступает от удушья. Особенно чувствительны к парам иприта глаза. Попадание в глаза иприта в капельно-жидком состоянии может привести к слепоте. Антидота при отравлении ипритом нет.

– Вот это другое дело, – удовлетворенно произнес начштаба и, потрещав арифмометром, сделал подсчет. – Дешево выходит. Особенно, если использовать начиненные ипритом бомбы против массового скопления войск.

– Вот и я о том же, – хихикнул Эккенер.

Штрассер, слушая разговор, кивал, всем видом демонстрируя, что готов сбрасывать бомбы туда, куда прикажут – будь то школа, казарма или больница.

– Недавно на французские позиции прибыли русские бригады – помогать лягушатникам, – задумчиво сказал Мольтке. – Но пока нам неизвестно точное место их дислокации. Я думаю, иприт наверняка отобьет у русских желание тут воевать. А если нам удастся с помощью иприта пробить брешь в Западном фронте, то возможно и наступление... А то ведь как-то странно получается: мало того, что мы этих русских вынуждены видеть и, так сказать, осязаемо ощущать на наших восточных границах, так извольте – и во Франции они присутствуют. Нет, это уж слишком, – монотонным, скрипучим голосом вещал Мольтке. – А так двух зайцев уьем: деморализуем и отобьем у русских всякую охоту выполнять свои союзнические обязательства. Ну, и поубиваем этих свиней как можно больше, а в результате прорвем фронт и переломим ход войны на западном направлении. Так что очень даже неплохой расклад вырисовывается.

– Согласен, господин генерал, – поддержал его посетитель. – Чего их жалеть? Быдло. Скоты, одним словом.

– Я готов вылететь хоть завтра! – пылко заверил Штрассер начальство.

– Пока нам мало известно о планах русских, – осадил нетерпеливого кайзеровского сокола Мольтке. – Ничего, в Париже у нас есть свой человек! Вот он-то и займется решением вопроса.

– Как скажете, господин генерал, – развел руками Штрассер.

– Не стоит так спешить, капитан, – усмехнулся начштаба, поглядывая на чересчур ры-ного посетителя. – Я ценю вашу настойчивость и исполнительность. Это похвально, но всему свое время.

– Чем прикажете заниматься?

– Я думаю, у вас есть чем заняться. Продумайте в деталях все, усовершенствуйте, что потребуется. Напоминаю, что у нас все должно быть идеально.

ГЛАВА 3

– Впечатляет... – говорил премьер-министр Великобритании, осторожно ступая вокруг очередной воронки, безжалостно изувечившей идеально ровный газон, который планомерно подстригали уже лет, наверное, двести. – Подобного мне еще не доводилось видеть.

– Так ведь подобного никому видеть не доводилось, сэра, – сыронизировал руководитель знаменитой британской разведки Ми-6 Альберт Райт. – Оружие новое, не опробованное в деле.

– Вы прекрасно понимаете, генерал, о чем я говорю, – раздраженно ответил Ллойд Джордж. Его холеное умное лицо исказила досадливая гримаса. – Обстреливать Букингемский дворец – такого ведь и представить себе до этого момента было невозможно! Ведь что получается: если на мгновение отбросить все условности: мы, то есть Британская империя, мощнейшая держава в мире. Задачи Британии сегодня – это мировое господство. Последние десятилетия были к нам весьма милостивы. Но не потому, что удача падала с небес – совсем нет! Поколения британцев делали все возможное для того, чтобы их родина стала той самой страной, которая будет определять события, происходящие на Земле. Бывали тяжелые моменты, но чтобы враг бросал, понимаете ли, бомбы в Букингемский дворец, в сердце Британии – такого еще не бывало. Это пощечина всем нам, это пощечина империи. И одно дело, что это понимаем мы с вами, а другое – как произошедшее будет оценено во всем мире! Выглядеть это будет так, что Британия не способна сама себя защитить. Да-да, именно так, генерал!

Премьер был прав – резонанс оказался немалым. Выходило так, что гордость Британии, ее гордость – мощный флот, надежно прикрывавший морские границы метрополии, в этой ситуации оказывался абсолютно беспомощным.

Британские газеты в один голос призывали доблестные войска «покарать наглых агрессоров, подвергших варварской бомбардировке городской парк, центр Лондона и склады и предприятия». Среди убитых и раненых во время налета основную массу составляли мирные жители столицы. Собор Святого Павла, один из главных храмов страны, уцелел просто чудом, так как самая тяжелая бомба разорвалась буквально на соседней улице. Наибольшее количество жертв оказалось в двух омнибусах, разбитых во время воздушной атаки на Ливерпульский вокзал.

Страсти разгорались, грозя обрушить волну народного гнева на головы британских генералов и политиков. Для того чтобы успокоить общественное мнение, требовались решительные действия по укреплению системы ПВО столицы Великобритании и ее крупных политических и экономических центров. Но наличных сил и средств для реализации этой задачи было явно недостаточно.

Питер Штрассер оказался прав в своих зловещих прогнозах: не говоря уже о непосредственном разрушении военных и промышленных объектов, нельзя забывать о силе морального воздействия на население, которое испытывало неопишуемый страх, вглядываясь в ночное небо, где гигантские воздушные корабли противника, освещенные лучами прожекторов, зловеще плыли к своей цели. Вся эта жуткая картина сопровождалась оглушительными взрывами бомб и ураганным огнем противовоздушных средств. Причем последние, в отличие от первых, своей задачи явно не выполняли. Широкие слои английского населения охватило постоянно растущее беспокойство, что влекло запустение местности, расположенной на восточном побережье Англии. Рейд вызвал панические настроения среди населения. Поползли слухи, что в скором времени следует ожидать массированных налетов на промышленные центры Англии.

Британское командование было крайне озабочено нехваткой средств ПВО, и в первую очередь прожекторов и зенитных орудий. Эффективность вражеской разведки удручала их не меньше. Как оказалось, вражеские цепелины ловко лавировали между зенитными батареями,

оставаясь вне дальности эффективного огня. Если же позиции артиллерии обойти было невозможно, дирижабли просто поднимались выше, по-прежнему оставаясь неуязвимыми.

Премьер-министр, увлекшись своей речью, вдруг оступился и едва не упал в одну из ям.

– Вот, пожалуйста! Разве я мог себе вообразить, что здесь, в месте, являющемся образцом английского стиля и вкуса, будут зиять воронки от бомб?

В целом разрушения здесь были невелики. Последствия ночной бомбежки заключались в воронках на газонах, одна из бомб попала в хозяйственное помещение, но, конечно, основным здесь был аспект престижа империи. Альберт Райт прекрасно понимал это, но в данном случае ему только и оставалось, что выслушивать раздраженные тирады премьера.

Действительно, для жителей туманного Альбиона Букингемский дворец – святая святых. Этот комплекс – самый большой королевский дворец в мире – поражает своей величиной и роскошью. Количество комнат в официальной лондонской резиденции британских монархов насчитывает шесть сотен. Это целый город. Дворец имеет бассейн, почту, а также собственный кинотеатр. Залы, покои, переходы, коллекции предметов искусства... За порядком присматривают в общей сложности 450 человек под руководством лорда-камергера.

Нынешняя королевская резиденция возникла на том месте, где гордо возвышался загородный особняк, принадлежавший герцогам Букингемским. В 1762 году его приобрел король Георг III. Особняк был расширен и перестроен под руководством знаменитого архитектора Джона Нэша, а в 1820 году был переименован в Букингемский дворец. Новая резиденция должна была служить символом национального величия после побед, одержанных в войнах с Наполеоном, в том числе в битве при Ватерлоо.

Премьер и Райт, пройдя через впечатляющий роскошью отделки Голубой зал с колоннами коринфского ордера, окрашенными под оникс, и некоторые другие, не менее внушительные помещения дворца, спускались по лестнице из каррарского мрамора и балюстрадой из кованой бронзы. Генералу приходилось бывать не только здесь, но и в главных покоях – Зеленом зале, где ожидают аудиенции, в Тронном зале – выдержанном в бело-багряно-золотой гамме, со строгим стилем и сказочной отделкой. Он вспоминал свое восхищение, когда впервые увидел под балдахином, на трехступенчатом возвышении тронные кресла королевы Елизаветы II и герцога Эдинбургского с шитыми золотом личными вензелями.

Многие из гостей обязательно старались попасть в жемчужину дворца – картинную галерею. Там, на стенах, затянутых золотисто-розовым шелком, размещены шедевры Рубенса, Рембрандта, Ван Дейка и других всемирно известных мастеров. Это собрание считалось самой дорогой частной коллекцией в мире.

Собеседники, пройдя долгий путь, оказались на противоположной стороне королевской резиденции. По широким ступеням они вышли на просторную лужайку парка, по праву называемого «оазисом в центре Лондона», где гнездятся десятки видов птиц, а в летнее время произрастают сотни видов цветов. Разговор продолжался в саду среди уникальных деревьев и кустарников, часть из которых в разное время была посажена членами королевской семьи, о чем свидетельствовали прикрепленные к ним таблички. Здесь, на лужайке, проводились различные мероприятия, в том числе с традиционными английскими чаепитиями приемы гостей. Сейчас и здесь зияло несколько воронок, явно не украшавших парк. Огромное дерево, лежавшее поперек дорожки, было выворочено с корнем бомбой.

– Вот, полюбуйтесь, генерал. Каждая из таких воронок – плевков нам в лицо, – заметил Ллойд Джордж. – Плевков в лицо Англии.

Генерал среди всего прочего сообщил, что согласно директиве германского командования дирижабли должны начинать бомбардировку с Букингемского дворца и правительственных резиденций, затем идет очередь военных фабрик и жилых кварталов.

– Чудесно! Просто великолепно! Хотя бы это нам стало известно, – язвительно произнес Ллойд Джордж. Премьер был настроен явно саркастически, стараясь скрыть свою растерян-

ность и раздражение. – Ну, что же, я думаю, можно подвести итоги. В данной области, как это ни прискорбно признать, мы находимся на голову ниже германцев.

– Нет, я бы так не сказал... – начал руководитель разведки, но был тут же перебит премьером:

– А я так говорю! И ошибки свои надо признавать для того, чтобы их исправить. Раньше мы все считали, что можем отсидеться за Ла-Маншем. Оказывается, нет. А если боши построят несколько тысяч цеппелинов и начнут бомбить не только Букингем, но и промышленные центры наподобие Манчестера, Глазго или Ливерпуля?

– М-да, – процедил разведчик. – Перспектива...

– Поэтому наша задача – решить эту проблему, генерал, – твердо сказал Ллойд Джордж.

Чиновники минуту шли молча. Под ногами похрустывал гравий, которым была высыпана дорожка.

– Посмотрим фактам в лицо: наши самолеты не долетят до Берлина даже из Шампани, – произнес Райт, дымя сигарой. – Их дальность куда меньше, чем у дирижаблей... Проклятые германцы действительно изобрели чудо-оружие!

– Вы хотите сказать, что если бы у нас были свои цеппелины, мы могли бы нанести удар возмездия?

– Именно это я и хочу сказать, сэр!

В процессе дальнейшего обсуждения оба пришли к выводу, что существует два способа заполучить цеппелины. Первый – это захватить дирижабль, угнать его в Англию и скопировать. Вторым – захватить конструктора, графа фон Цеппелина, доставить его в Англию и заставить работать на корону. Экономика Британской империи была посильней германской, так что цеппелинов можно было построить намного больше. Отсюда следовало, что в будущей гонке вооружений британцы наверняка возьмут верх, а это позволит не только вывести Германию из войны...

– Занятно, – Ллойд Джордж находился в приятном возбуждении. – И у вас есть человек, который может этим заняться? Конечно, я понимаю, что все ваши предложения касаются более отдаленного будущего. Для начала мы должны хотя бы знать о планах Германии в смысле бомбежек королевства.

– У меня есть такой человек. Более того: у нас уже есть план, – прищурился Райт, глядя на озеро, где плавала пара грациозных лебедей.

ГЛАВА 4

Несмотря на ночное время, парижский театр блистал огнями. Роскошные фасады, исполненные еще полтора столетия назад в стиле барокко, ярко освещались фонарями. Храм искусства должен выглядеть роскошно, и в данном случае все именно так и было. Многочисленные лепные украшения, завитушки, фигуры античных богов – вся эта пышная феерия форм словно зазывала посетить театр каждого прохожего. Сегодня в этом не было особой необходимости, поскольку все билеты уже давно раскупили.

Война войной, но Париж всегда считал себя, и надо сказать, совсем небезосновательно, центром мировой культуры. Этот город с незапамятных времен был центром притяжения всех гастролирующих коллективов и отдельных артистов. Фраза «увидеть Париж и умереть» больше всего относилась к людям искусства, полагавших, что без хотя бы одного выступления в столице Франции считать свою творческую задачу выполненной никоим образом нельзя. Поэтому, несмотря на то, что орудия войны гремели повсюду, что столица находилась не так уж далеко от линии фронта, артистическая жизнь, пускай и несколько притихшая, и в эти суровые годы не затихала. Что, собственно говоря, и подтверждал сегодняшний аншлаг.

У главного входа в театр было многолюдно. Из подъезжавших авто выходили мужчины во фраках, женщины в роскошных нарядах. Цокали копытами по мостовой кони, привозившие в колясках ценителей искусства.

Среди десятков других сюда подъехал фиакр, из которого вышли поручик Голицын и капитан Дидье Гамелен. Для них вечер все еще продолжался. После событий, познакомивших двух господ таким странным образом, посещение театра стало второй частью программы этого вечера. В театр пара новых друзей прибыла после ужина.

Ужин в ресторане с названием «Чаша» прошел великолепно. Превосходные блюда, отличные вина, приятная атмосфера – Гамелен постарался, чтобы русский гость чувствовал себя комфортно и уютно, пускай и оказавшись вдалеке от Родины. Не последнюю роль в положительных впечатлениях Голицына сыграло присутствие рядом Элен. Вечер, проведенный в обществе элегантной парижанки, оказался весьма приятным. Поручик, вдохновленный присутствием девушки, был воплощением галантности, он источал очаровательной спутнице пышные комплименты. Она и правда заслуживала наивысшей похвалы, ибо была не только красавицей, милой в общении, но и оказалась весьма умной собеседницей.

Бывшие в ресторане французские офицеры тоже старались не отставать от коллеги-союзника, но где же тут было равняться французам, пускай и рафинированным ухажерам, с российским поручиком, известным всему Петербургу тем, что производил на представительниц прекрасного пола поистине неотразимое впечатление. Как говорили многие, это впечатление приводило к тому, что дамы укладывались штабелями... в постель.

В этот вечер, естественно, до постели дело не дошло, но Голицын, как обычно в подобных случаях, был в ударе и в завершении вечера исполнил старинные русские романсы. Романтичный офицер с гитарой, великолепным голосом и взглядом, заставлявшим трепетать сердце, сразил Элен наповал. В театр офицеры, однако, отправились уже вдвоем. Парижанка, как и положено порядочной французской девушке, отправилась домой – и отцу надо было помочь, и за домом присмотреть. Дела у людей занятых всегда находятся, тем более в военное время. Поручик прилагал все мыслимые и немыслимые усилия, но примерная дочь в этот раз не составила им компанию.

Надо сказать, что Голицын и Гамелен, несмотря на весьма, скажем так, недавнее знакомство, уже успели подружиться. Выпитое за ужином шампанское помогло найти массу общих тем. Вполне может быть, что причиной симпатии стала и Элен, вызывавшая у поручика жгучий интерес.

Гамелен пригласил Голицына на ночное представление, пообещав, что тот не будет разочарован.

...Свет в зале погас, и все погрузилось в мистическую тьму. Царила мертвая тишина, лишь изредка нарушаемая чьим-то покашливанием. Постепенно, понемногу сцена стала освещаться. Поручик увидел там брахманский алтарь индийского храма под сенью цветущего дерева. Дымящиеся курительницы создавали почти реальную атмосферу святилища. Негромко заиграла восточная музыка. Все ждали. И вот на сцене появилась экзотическая танцовщица в трико телесного цвета, покрытая белым покрывалом. Покрывало соскользнуло на пол...

Восемь колонн алтаря украшали цветы, достигавшие круглого балкона третьего этажа. С каждой колонны на танцовщицу, выглядевшую в облегающем трико словно обнаженной, с завистью нимф смотрели статуи с неприкрытыми бюстами. Свет свечей усиливал таинственность атмосферы. Одна из самых впечатляющих статуй из восточного пантеона, присутствующих на сцене – четырехрукий Шива трех футов высотой, окруженный кольцом из горящих свечей, – топтал своей бронзовой пяткой карлика. Разглядывать остальные детали убранства этого «святилища» можно было долго, однако взоры всех приковала хозяйка сцены.

Теперь она была окутана живописным светом, создаваемым лучами прожекторов, уставленных на потолке. Благодаря искусной работе осветителей, поработавших над этим, зрители могли видеть восточную танцовщицу хорошо с любого направления. В перерывах невидимый оркестр играл музыку с индусскими и яванскими мотивами.

– Уступая настойчивым протестам церкви, она вынуждена надевать облегающее трико, – шепнул, наклоняясь к Голицыну, Гамелен. – А мне приходилось бывать на ранних представлениях, где из одежды у нее были только украшения.

– Неужели?

– Да-да, именно так. Она появилась перед зрителями в роскошном восточном одеянии, – вполголоса рассказывал француз. – Видите, сегодня танцовщица выглядит иначе, а тогда она была одета в костюм из коллекции мсье Гиме. Ее окружали четыре девушки в черных тогах, на ней самой был белый хлопковый бюстгальтер с орнаментом на груди, вызывающим ассоциации с Индией. Руки украшались подходящими по стилю браслетами. На голове была индийская диадема, охватывающая завязанные в косы «по-испански» черные волосы. Блестящие ленты обхватывали ее талию. Они придерживали саронг, который скрывал ее тело ниже пупка и спускался чуть ниже середины бедер. Все остальное было открытым. Этот костюм весьма возбуждал, но во время танца она постепенно сбросила с себя и эту одежду, оставив лишь нитки жемчуга и сверкающие браслеты. В конце, как апогей простоты, она стояла перед Шивой в гордой наготе. Такова идея: чтобы умилосердить бога, она предоставляет себя ему. Это очень впечатляюще, очень смело и вместе с тем очень целомудренно.

Голицын кивнул, хотя и сегодняшней вид танцовщицы захватывал и очаровывал.

– Согласитесь, такого вам еще не приходилось видеть? – усмехнулся Гамелен.

– Соглашусь, – лаконично ответил поручик. – Хотя, естественно, наслышан о ней очень много. Кстати, все-таки кто она – европейка или индианка?

– Это сложный вопрос, – ответил капитан. – Видите ли, она и голландка, и шотландка, и яванка одновременно. От северных рас по происхождению у нее высокий рост, сильное тело, а на Яве, где она выросла, она приобрела гибкость пантеры, движения змеи. Она воздействует на зрителя не только движениями своих ног, рук, глаз, губ.

После завершения программы зал просто захлебывался аплодисментами. Поручик посмотрел по сторонам. Похоже, что не он один был впечатлен этой удивительной женщиной. Публика неистовствовала.

– Понравилось? – поинтересовался Гамелен.

– Весьма.

– А хотите, я вас познакомлю? – лукаво спросил француз.

– А разве это возможно? – удивился поручик.

– Да. Открою вам секрет, мы с ней уже давно знакомы.

– Черт побери, Дидье, вам можно позавидовать!

Вскоре танцовщица появилась в ложе, где сидели два офицера. Крайне разговорчивый Гамелен представил ей русского союзника в самом лучшем свете, рассказав и о подвиге с бомбой, и даже о секретном пакете.

Танцовщица, с которой Голицын и не мечтал познакомиться, вблизи оказалась эффектной женщиной с отличной фигурой, большими глазами и черными волосами. Поручик приосанился, увидев перед собой элегантную, очень высокую, хорошо сложенную смуглую брюнетку с выразительными чертами лица и бархатистыми глазами, непринужденно и почти вызывающе расположившуюся на диване. Она с интересом взирала на русского офицера, как-то загадочно улыбаясь.

В ответ на расспросы Голицына танцовщица рассказала поручику, что ее матерью была четырнадцатилетняя индианка, танцовщица в храме, умершая при родах. После этого ее саму якобы воспитывали жрицы в храме, научившие ее священным индуистским танцам, посвященным Шиве. Она поведала, что впервые танцевала обнаженной еще в тринадцать лет перед алтарем индуистского храма.

– Там, на Востоке, эти танцы хранятся в тайне, – сообщила танцовщица. – В глубине храмов за ними могут наблюдать только брахманы и девадаши, так что до меня никто не мог продемонстрировать их не только широкой, но и какой бы то ни было вообще европейской публике.

– Как говорится на Востоке, к нашей большой радости и к наслаждению для глаз, мадам станцевала для нас танцы принцессы и волшебного цветка, призыва Шивы и танец «Субрамайен», – сказал Гамелен. – Я не ошибся?

– Да, именно так, – кивнула танцовщица. – Вы стали настоящим знатоком моего искусства.

– О да! Разве можно остаться в стороне, видя такой безграничный талант?

– А что же вы, Дидье, с бумагами ходите? – кивнула смуглянка на пакет Гамелена. – Неужели нельзя забыть хоть на какое-то время о работе? Я бы на вашем месте выбросила эти бумажки к черту.

– Что вы, мадам, – это слишком важные документы, – усмехнулся француз.

В полутемной ложе появился официант с шампанским, фруктами. Женщина, как бы между прочим, расспрашивала поручика о всякой всячине, в том числе и о том, где дислоцируется его часть. Голицын так же аккуратно перевел разговор на другую тему.

– Извините, мсье, мне пора, – неожиданно поднялась собеседница. – На этом я вас оставляю.

– Как, неужели так скоро, мадам? – развел руками поручик. – Быть может, мне удалось бы уговорить вас задержаться еще немного?

Действительно, эта известная, красивая и необычная женщина не могла не вызвать у него интереса. В ней ощущалась какая-то тайна, завораживающая, притягивающая и пугающая одновременно. Правда, последнее к поручику явно не имело отношения.

– К сожалению, мсье, – наклонила голову женщина. – Надеюсь, мы еще встретимся...

Занавеси колыхнулись, пряча гостью.

– Ну, как? – усмехнулся Гамелен. – Что скажете, поручик?

– Экзотическая особа, – заключил поручик. – Неужели все то, что она рассказывала, – правда?

– Трудно сказать... В ее жизни реальность так перемешана с легендами и вымыслами, что трудно подчас отличить одно от другого.

– Ну, хорошо, – потянулся Голицын. – А не выпить ли нам еще по бокалу?

ГЛАВА 5

Ночная площадь перед театром, притихшая было, снова наполнилась шумом и гамом. Представление закончилось, и зрители, валом выходявшие на улицу, шумно обменивались впечатлениями от увиденного. Надо сказать, что и тех, кто был впервые на таком представлении, и тех, кто уже побывал на нем ранее, увиденное не оставило равнодушным, о чем свидетельствовали возгласы, комментарии и рассуждения.

Один за другим уезжали фиакры, увозившие по домам переполненных впечатлениями «любителей культурных развлечений». С урчанием скрывались за поворотами машины. Все покинувшие храм искусства были довольны – вечер действительно оказался чудесным.

– Это было великолепно, я бы сказал, просто божественно. Который раз убеждаешься в том, что она не останавливается в своем развитии. Я присутствовал на ее выступлении три года назад и смело могу утверждать, что она не желает почивать на лаврах. К тому, что у нее было в наличии тогда, добавляются все новые и новые элементы. И это прекрасно: человек искусства должен искать новые пути развития своего таланта, – тряся козлиной бородкой, восторженно говорил седоватый субъект, по виду театральный критик, своему коллеге. – Я нисколько не жалею потраченного времени. Единственное, о чем я жалею, так это о том, что представления не видела моя жена.

– Ничего, после того, как вы с вашим талантом расскажете обо всем увиденном, думаю, что те, кто еще не побывал, ринутся сюда бегом! – ответил ему собеседник.

– Ну, это вы уж слишком, – махнул рукой козлородый. – А впрочем...

Будучи одним из наиболее известных критиков, он вполне допускал возможность такого исхода после опубликования своих «впечатлений». Бывали случаи, когда после его критических статей в прессе репутация некоторых артистов весьма улучшалась и наоборот – его язвительные шпильки по адресу тех, кого он считал бездарностями, могли навредить таковым. Ведь, как известно, пресса – это пятая власть...

Были впечатления иного рода. Вышедшая из театра семейная парочка представляла собой несколько другую картину. Пышная, разодетая мадам лет сорока пять громко выражала свое недовольство. Состроив брезгливую физиономию, она томно обмахивалась веером.

– Я просто возмущена! – говорила она. – Послушать многих, так это просто какое-то чудо, равному которому нет на всем свете. «Какая грация, какие движения, какая красота», – передразнила она кого-то. – Да, я тоже так думала, когда приобретала билеты. И что же – в результате я вижу черт знает что.

– Но, дорогая, – пытался спорить с ней муж, габаритами явно уступающий своей крупномасштабной супруге. – Ведь это же специфика восточного танца. Там свои принципы, отличающиеся от наших европейских представлений. Ведь на Востоке сам по себе танец – уже чувственное движение...

– Чувственный танец! – фыркнула супруга. – Я что, полная дура? По-твоему, я не знаю, что такое восточные традиции? Ничего подобного здесь не было. Это просто бездарный стриптиз. А ты, если хочешь заглядываться на тех, кто оголяется при первой возможности, так и скажи!

– Ты пойми, что ведь это общепризнанная величина! – попытался спорить муж. – Ведь это же не я придумал...

– Мне плевать на то, что кто-то там заявил про «величину»! – экспрессивно выражала свое несогласие мадам. – Все это измышления таких же похотливых самцов, как ты!

Супруг, придерживавшийся, как видно, другого взгляда, на этот раз решил не ввязываться в искусствоведческий спор, который, учитывая импульсивность мадам, грозил перейти в ссору.

– Едем, дорогая. Вот, кстати, и фиакр. Давай я тебе помогу.

– Ты мне зубы не заговаривай! – возмутилась мадам. – Я что, по-твоему, такая толстая, что без посторонней помощи сама не сяду?

Все так же препираясь, парочка укатила домой.

Как это обычно и бывало, каждое представление этой танцовщицы вызывало массу полярных отзывов: от восхищения до отрицания.

Среди покинувших театр были поручик и Гамелен. На этом их совместная программа на сегодняшний день закончилась. Дальше их пути разошлись. Капитана ждали свои дела и обязанности, а Голицын оставлял столицу Франции, поскольку ему завтра надо было быть в Шампани, в районе дислокации своей воинской части. Таких вечеров в ближайшее время ему могло и не представиться. Суровые воинские будни обещали стать снова привычной жизнью для русского гостя и всех его соотечественников, которых судьба забросила так далеко от родной земли.

– Ну, а как вам вообще во Франции? – поинтересовался Гамелен на правах «принимающей стороны». – Дискомфорта не ощущается?

– Какой уж тут дискомфорт, – отрицательно мотнул головой Голицын. – Почти как дома. Ведь возьмите тот же самый язык. У нас практически каждый дворянин с детства знает французский.

– Неужели? – удивился француз. – А я-то думал...

– Да знаю я, что вы думали! – рассмеялся Голицын. – Известны нам все ваши представления о России. Дескать, мороз и стужа круглый год, по улицам рыскают волки, а все здания из дерева! Что, не так?

– Нет, ну что вы, – смутился Гамелен. – Просто некоторые вашу далекую страну считают... экзотической.

– Ну, ладно, – хлопнул собеседника по плечу поручик.

– Да, кстати, о России, – вспомнил француз. – Мой предок Гийом в 1812 году участвовал в походе Наполеона Бонапарта на Россию.

– И что? Бывал в Москве?

– Нет, в вашей столице ему побывать не довелось, но он был дважды ранен и все-таки счастливо вернулся на родину.

– Да-а, были времена... Позволю себе заметить, – произнес Голицын, возвращаясь к особенно близкой ему теме, – что ваша племянница, мсье, это просто воплощение женской красоты. Не сочтите это за лесть, но это действительно так!

– Не сочту, не сочту, – усмехнулся Дидье. – Она хороша, но я вам открою маленькую тайну: вы ей тоже понравились!

– Вы думаете? – подкрутил ус поручик.

– Я же знаю ее с детства как облупленную. Так что могу вам сказать смело, что вы вскружили девушке голову.

Офицеры, стоя у ступеней лестницы, закурили. Беловатый дымок вился в ночном воздухе. Горели огоньки папирос.

– Как вы настроены, поручик, на новую обстановку? – спросил француз. – Ведь воевать у нас вам не приходилось?

– Воевать – нет, а во Франции бывал, и не раз. А так – что ж... У нас в России есть поговорка: бог не выдаст, свинья не съест, – затянулся дымом Голицын. – Война – она везде война, так что нам, военным, не привыкать.

– А вы помните, каким был город до войны? – мечтательно вздохнул Гамелен. – Ведь тот, кто попадает в столицу впервые, не получит никакого представления о том, какой же настоящий Париж. Ведь это же был настоящий праздник жизни, никого не оставлявший равнодушным. Сегодняшняя жизнь – бледная тень былого величия.

– Да уж, – лаконично подтвердил Голицын, невольно вспоминая свой визит во французскую столицу перед войной. Особенно запала тогда в душу рыжая Мари. Ох, и время было!

Однако наступала пора расходиться.

– Что ж, мсье Голицын, простимся, – улыбнулся Гамелен, подавая руку русскому офицеру. – Думаю, что увидимся.

– Я тоже на это надеюсь, – поручик сжал руку француза так, что тот слегка охнул. – Тем более что по нашим российским меркам Париж от Шампани в двух шагах.

– Ха-ха-ха! – сверкнул зубами француз. – У вас хорошее чувство юмора. Какая же должна быть необъятная страна, чтобы иметь такую шкалу измерений?

– А вы приезжайте к нам, увидите! – махнул рукой поручик, садясь в фиакр, который, сделав круг, с цокотом покатила пассажира прочь от театра, прочь от Парижа. Туда, где сейчас во многом решалась судьба войны.

Гамелен, проводив глазами отъезжающий фиакр, постоял еще с минуту, жадно вдыхая прохладный ночной воздух, и двинулся по улице. В отличие от Голицына, ему не надо было отбывать за пределы города. Его служба не была непосредственно связана с боевыми действиями, а жил он неподалеку, так что решил пройтись пешком.

Идя по тротуару, француз насвистывал мотив из оперетки, помахивая врученным ему сегодня пакетом. Секретные документы сегодня так и не оказались в генштабе, но к этому Дидье, как сугубо штатский человек, лишь волею случая ставший офицером, отнесся спокойно: генштаб далеко, начальства в такое время там все равно не было, так что до завтра документы уж точно никому не понадобятся. Тем более что надо ведь было развлечь русского союзника, спасшего фамильное заведение. Да и чего бояться в театре, где он бывал сто раз?

Перейдя улицу, Гамелен повернул направо. До дома оставалось два квартала. Позади послышался шум машины. Рядом поравнялось и притормозило такси. Дальнейшие события развивались предельно быстро. Из авто выскочили двое мужчин, один из них ударил чем-то тяжелым капитана по голове. Тот ахнул и стал оседать. Незнакомцы, проявляя завидную быстроту, подхватили под руки представителя генштаба и поволокли его в машину. Хлопнули дверцы, и автомобиль исчез за поворотом. На улице никого не было, лишь в полусвеченном окне напротив колыхалась занавеска.

На афишной тумбе ветер трепал полуотклеенный плакат – «Несравненная Мата Хари». Ниже более мелким шрифтом было набрано: «Она, покоровшая весь мир своим уникальным искусством. Та, которой рукоплескали лучшие театры. Она сведет вас с ума своим божественным талантом. Она – великолепна! Приходите увидеть лучшую женщину Европы и Азии».

На картинке была изображена та самая, выступавшая в театре танцовщица, в роскошном платье, оставлявшем обнаженной большую часть ее тела.

Вряд ли хоть одна женщина, во всяком случае, во время Великой войны, в такой мере возбуждала мужскую и, вероятно, и женскую фантазию, как эта особа, выбравшая для себя сценический псевдоним Мата Хари – замечательная танцовщица, необычайно красивая особа, проститутка и германская шпионка.

ГЛАВА 6

На Западном фронте в районе Соммы все оставалось без изменений. В пасмурный осенний вечер над позициями французов летел цеппелин. Высота около четырех километров делала его неуязвимым для стрелкового оружия. В гондоле, кроме пилота, находились капитан Питер Штрассер с громоздким фотоаппаратом, несколько офицеров и химик Эккенер.

Военным этот представитель науки за время полета уже успел надоеть невероятно. Химик оказался пренеприятным человеком, производившим отталкивающее впечатление. Не успели все усестись в гондолу, как ученый принялся ныть и психовать. Далее положение только усугублялось: страхов у него оказалось более чем достаточно. Он боялся высоты, того, что по нему начнут стрелять, ему было страшно, что цеппелин может упасть на землю...

– Какого черта мы брали с собой этого чистоплюя? – шепнул офицер своему коллеге. – Меня сейчас противник гораздо менее волнует и раздражает, чем этот нервнобольной субъект.

– Начальству виднее, – пожал плечами майор. – В последнее время почему-то часто оказывается, что в войне чуть ли не большую роль играют такие вот умники. Видимо, времена сильно изменились. К сожалению...

– Смотрите, господа, – указал вниз лейтенант. – Вот они!

Внизу, в разрывах облаков теперь можно было различитьдвигающуюся маршевую колонну с артиллерией. Похоже, цель была обнаружена.

– Снижаться! – приказал Штрассер.

Пилот переложил руки на руль глубины.

– Зачем это... снижаться? – подозрительно поинтересовался Эккенер.

– Качественные съемки с высоты четырех километров невозможны, – терпеливо пояснил командир корабля впечатлительному ученому.

– А если нас собьют прямо с земли? А если... британский или французский аэроплан? – снова запсиховал химик. – Я не собираюсь погибать, тем более таким нелепым способом. Я же в отличие от вас человек не военный.

– На войне как на войне, господин Эккенер, – сухо ответил капитан. – Здесь всякое может случиться.

Но химик не хотел знать о том, что «может случиться». Один из офицеров, обер-лейтенант, выразительно глядя на ученого, «вдруг вспомнил» о том, как наблюдал еще перед войной, с земли, прямо над эллингом одной из баз дивизиона, как взорвался и погиб со всем экипажем боевой дирижабль L-2.

– Первые минуты полета проходили абсолютно нормально, – рассказывал он. – Дирижабль, слегка покачиваясь, медленно набирал высоту. Бриз развеивал на корме военно-морской флаг, выделявшийся на фоне серого осеннего неба. Вдруг из хвостовой гондолы на трап, соединявший переднюю и заднюю рубки воздушного корабля, выскочил человек и стал быстро пробираться вперед. Такая поспешность в передвижении по узенькому трапу могла быть вызвана только одним – на борту дирижабля случилась какая-то неприятность.

– И что? – нервно дернулся Эккенер.

– В следующую секунду я заметил, как из носовой гондолы навстречу бегущему человеку выбросило язык пламени. Похоже было, что это горел вытекавший из топливного бака бензин. Затем порыв ветра взметнул огонь вверх, к баллонам с водородом, и громадный L-2 исчез в ослепительной вспышке взрыва. В течение десяти секунд все было кончено. Обгоревший остов цеппелина рухнул на землю с высоты трех сотен метров. Никто из двадцати восьми членов экипажа не имел ни малейшего шанса на спасение, – сделав внушительную паузу, покачал головой офицер.

– Сейчас же прекратите! – визгливо закричал Эккенер. – Я не желаю об этом слышать.

– Как хотите...

В гондоле прекратились все разговоры, и только двигатель продолжал успокаивающе урчать за переборкой.

Все следили глазами за стрелкой высотомера, отсчитывавшей очередную сотню метров. Дирижабль наклонился, слишком быстро идя вниз, и корма поднялась кверху настолько, что люди в гондоле на некоторое время должны были цепляться за что-нибудь, чтобы не упасть.

– Что это такое? – заволновался химик. – Мы что, падаем?!

– Уменьшить ход наполовину, – сообщил Штрассер в машинное отделение.

Дирижабль, замедляя ход, спускался теперь плавно. Виды за стеклом менялись. Понемногу становилось все светлее. Высотомер показал двести метров, стало ясно видно землю. Дирижабль летел над деревней, через которую проходила линия железной дороги.

В гондоле затрещал телефон.

– Аэроплан с левого борта! – сообщил с верхней платформы наблюдатель. – Французский «Фарман».

– Проклятие! Я же говорил! – на химика было жалко смотреть.

– Подготовиться! Открыть огонь! – закричал в трубку капитан.

Офицер-радиотелеграфист бросился к лесенке, ведущей к пулемету, установленному на верхней платформе. Вахтенный быстро готовил еще один пулемет здесь же, в передней части гондолы.

С поразительной быстротой яркая точка приближалась с левого борта. Самолет уже стал прекрасно виден. Да, это был «Фарман» желтоватого цвета с нанесенными французскими опознавательными знаками.

– Атаковать самолет! – Капитан оказался в своей любимой стихии боя.

Огненный шар летел на дирижабль, рассыпаясь на множество маленьких потрескивающих искорок, которые пронесли мимо и исчезли позади, увлекаемые потоком воздуха.

– Недолет! – констатировал Штрассер.

– Что это? – едва шевеля побелевшими от страха губами, спросил Эккнер.

– Ракеты с аэроплана.

Второй и третий выстрелы со стороны «Фармана» последовали один за другим. У химика перехватило дыхание от страха при мысли о дирижабле, объятom пламенем.

– Не так просто, дорогой господин Эккнер, попасть в противника, тем более когда оба из них находятся в воздухе, – спокойно произнес Штрассер. – Лет этак через двадцать воздушные бои будут в этом плане значительно продуктивнее, но пока...

Химика это слабо успокоило. Он проклинал себя за то, что не остался на земле, и дал зарок: в небо никогда больше не подниматься. Тем временем наверху снова зачастил пулемет: аэроплан повернул и теперь напал сзади с правого борта.

Длинная огненная полоса, прорезав воздух, пролетела совсем близко. Впрочем, Штрассер знал, что делать.

– Пустить газ!

Цепелин окутался непрозрачным серым газом. Это сделало его невидимым как с земли, так и с «Фармана». Французский пилот, боясь столкновения с облаком, в котором прячется дирижабль, ушел на вираж. В этот момент из этого самого облака в очередной раз раздался монотонный треск пулемета. Теперь стреляли больше наугад, чем прицельно, однако повезло – самолет задымил.

– Падает! – закричал лейтенант.

– Готов, – удовлетворенно заключил Штрассер. – Значит, рейд прошел не зря.

– Мы что, подбили его? – не веря своим глазам, прилип к стеклу гондолы химик.

– Как видите.

Наклонившись над картой, офицеры проверяли направление. Лейтенант поставил на карте точку.

– Еще сорок градусов на правый борт.

В потолке гондолы открылась откидная дверь, и из люка появились две ноги в гетрах. Это был инженер, осматривавший корабль после обстрела. Он объявил, что повреждений нет.

– Ну, вот и отлично! – щелкнул пальцами капитан. – Неплохой денек, не правда ли, господин Эккенер?

Тот пробормотал нечто невразумительное, сжимая в руке платок, мокрый от пота. Цепелин вынырнул из облака. Штрассер наконец занялся фотографированием объектов внизу. Через несколько минут снимки были готовы.

– Руль глубины – на подъем! – скомандовал капитан. – Направление – девяносто градусов.

Корабль стал набирать высоту. Дело было сделано. Все стали согреваться, попивая горячий кофе из термоса. Пилот, оставив руль глубины, взялся теперь за руль направления. Больше подниматься не следовало – за это можно было поплатиться неожиданным спуском. Впрочем, теперь уже не имело значения, лететь ли на двести метров выше или ниже – все равно неприятельские снаряды достигнуть этой высоты были не в состоянии.

Цепелин плыл над пустыми, спокойными полями, темнеющими правильными геометрическими фигурами. Он возвращался на базу. Наступало время заката, и запад постепенно окрашивался в багровый цвет. В далекие облака садилось солнце.

* * *

В тот же день результаты аэрофотосъемки лежали на столе у Мольтке. Сомнений быть не могло: агент в Париже передал абсолютно точную информацию: третья бригада Русского экспедиционного корпуса действительно направлена в Шампань, это было очевидно. Несмотря на все несовершенство аэрофотосъемки, существовали детали, по которым можно было отличить русских от французов, что определялось даже с высоты. Так, например, во французской армии винтовки носились на правом плече, а у русских – на левом. Впрочем, хватало и других отличительных деталей. Теперь стало ясно: прибытие российских частей значительно усилило положение французов. Тем самым последние сомнения у начштаба окончательно отпали – стало быть, бомбы с ипритом следует сбрасывать именно здесь – в районе Мурмелона и Обрива.

ГЛАВА 7

Уже один внешний вид весьма известной частной клиники на берлинской Линденштрассе смотрелся впечатляюще. Великолепное здание в стиле неоготики, выстроенное из красного кирпича, украшали башенки, скульптуры, резные двери и прочие детали, заботливо спроектированные архитектором.

Интерьеры лечебного учреждения также внушали уважение. Конечно, медицина – дело, где требуется безусловная чистота, но здесь, похоже, этот принцип довели до совершенства. Миловидные медсестры не слонялись без дела, как это бывает в некоторых других медицинских учреждениях, а делали свое дело, четко выполняя свои обязанности. Повсюду чувствовался порядок, доведенный до абсолюта.

Эта частная и явно небедная клиника специализировалась на легочных и дыхательных инфекциях, туберкулезе, всевозможных отравлениях. В мирное время людей волнуют «мирные» болезни. Клиника пользовалась великолепной репутацией, и среди ее клиентов были многие богатые и влиятельные люди.

Наступившая война, как это обычно и бывает, сместила процент больных в Германии в сторону тех, кто пострадал от огнестрельного оружия – пуль, снарядов и бомб. Многие болезни для военного времени стали считаться несерьезными, особенно на фронте. Однако здесь, на Линденштрассе, все было по-прежнему.

У руководителя клиники – пожилого профессора Карла Вайса, в кабинете находился посетитель – генерал с наголо бритой, блестящей, как шар, головой.

– Таким образом, предписанное лечение должно помочь, – сказал медик, передавая гостю рецепт.

– Благодарю вас, господин профессор, – кивнул высокий чин.

В кабинет вошел молодой человек, по виду – ассистент.

– Прошу прощения за то, что прерываю вашу беседу, однако вы сами просили сообщить вам о результатах.

– Что? – поднял брови медик.

– Господин профессор, я о больном Кассере из седьмой палаты.

– Да-да, Ганс, и что же новенького? – повернулся к нему руководитель клиники, ненадолго прерывая беседу.

– Мы решили испробовать медикаментозный вариант номер два, о котором у нас шла речь. Это дало результаты, как вы и рассчитывали, – сообщил ассистент. – Во всяком случае, больной уже не задыхается, как это имело место еще три дня назад.

– Хорошо...

– Да-да. Сегодня утром он уже смог принимать пищу.

– А, как известно, появление аппетита – наилучшее свидетельство того, что больному действительно лучше, – заключил профессор. – Продолжайте. Завтра я осмотрю его.

– Сколько у вас забот, профессор, – покачал головой военный. – И к каждому надо найти свой подход, подход к его болезни, чтобы вылечить.

– А как же иначе? Каждый из нас занимается своим делом, а я считаю, что надо выполнять его на «отлично».

– Согласен с вами, истинная правда.

– Да, но у меня к вам важное дело, генерал. Мне нужна ваша помощь, – значительным тоном произнес профессор.

– Все, что в моих силах...

– Возможно, это прозвучит несколько неожиданно, но я, как истинный германский патриот, решил временно свернуть свой медицинский бизнес, – сообщил Вайс.

– То есть как это свернуть? – Физиономия военного выражала крайнюю степень удивления. – Может быть, я вас неправильно понял?

– Нет-нет, все именно так и есть, – усмехнулся медик. – Свернуть и открыть бесплатную клинику для наших солдат и офицеров на Западном фронте. По-моему, каждый из немецких граждан сегодня должен сделать все, что в его силах. Так вот я хотел бы просить у вас так нужного мне содействия в этом деле.

– Конечно, конечно, ваш патриотический порыв достоин похвалы... – Гость профессора был несколько растерян сообщением светила германской науки. – Но у меня возникает такой, знаете ли, эгоистичный вопрос: где мы все будем лечиться?

– Здесь же, – ответил Вайс. – Не волнуйтесь, генерал, своих пациентов я не бросаю. Я ведь не собираюсь терять уважаемых клиентов. Мои доктора и моя школа сделают все, чтобы никто не пострадал.

– Ну, это другое дело, – чувствуя облегчение, усмехнулся военный. – А то ведь я от имени многочисленных ваших поклонников уже было забеспокоился. Хорошо... И где же господин профессор намерен создать передвижной госпиталь?

– В районе Кельна. Мой дедушка оттуда, – сообщил «Айболит». – Тяга к родным местам у меня была всегда. Корни, знаете ли, всегда тянут к себе... Это ведь древняя германская земля, одно из тех мест, послуживших основой для складывания германской нации. Ведь наша великая культура возникла не абстрактно. Это и конкретные люди, и конкретные места, и памятники. Чего стоит, к примеру, один Кельнский собор! Ведь это грандиозный памятник всей нашей нации!

– Да-да, профессор, я вас прекрасно понял, – кивнул высокий чин. – Ваши устремления и понятны, и похвальны. Именно такое мнение у меня сложилось о вас с самого начала нашего знакомства. Теперь я в очередной раз вижу, что не ошибся. Со своей стороны я обещаю всяческое содействие. Тем более что я, как и многие другие, обязан вам здоровьем своим и своей дочери.

Хлопоты важных покровителей известного медика дали свои результаты. Его влиятельные клиенты постарались помочь, и уже спустя несколько дней в Кельн отправились опломбированные вагоны со всем необходимым имуществом. Профессор, естественно, выехал сразу же, а вот ассистент Ганс Рюль задержался, чтобы выполнить несколько его поручений.

Первым номером среди них значилось: дать в газету несколько странное, с первого взгляда, объявление: «Франц переехал к тете, пишите до востребования».

* * *

Кабинет Альберта Райта, руководителя разведки Ми-6, выглядел неброско, но со вкусом. Как это часто и бывает, люди, работающие в подобных учреждениях, не любят помпы, ярких, кричащих цветов и прочей режущей глаз мишуры. Вся обстановка выдерживалась в ровных светло-серых тонах, гармонично сочетавшихся с деревянными панелями, которыми была обшита нижняя часть стен.

Райт, сидя в мягком кресле, читал информацию, полученную из Германии от британского резидента. «Профессор» извещал, что вместе с «Ассистентом» приступил к выполнению задания.

Ознакомившись с сообщением, Райт сделал несколько звонков, вызвав к себе нужных ему подчиненных, и достал небольшую коробку из ящика стола. Сигары всегда были его страстью. Скромный в бытовых расходах, на сигарах Райт экономить не любил, поэтому наилучшие из них всегда были в наличии у руководителя Ми-6. Генерал, достав сигару, повертел в руках, затем специальным приспособлением отрезал кончик и закурил. С наслаждением затягиваясь, в ожидании коллег он размышлял о ходе операции.

Являясь руководителем британской разведки, Райт всегда чувствовал свою ответственность за судьбу страны. Уж ему-то, как никому другому, было прекрасно известно, что вся мировая история связана с разведкой теснейшим образом. Без этой службы невозможно представить себе ход многих событий. В огромной степени это относилось и к Великобритании. Чудеса, совершаемые этой службой, часто были выше всяких похвал.

Так, например, в 1807 году в Тильзите проходили тайные переговоры между Наполеоном Бонапартом и русским императором Александром I, целью которых являлся передел Европы. Сразу после засекреченной встречи европейских монархов из расположенного недалеко от Тильзита города Мемеля ушло письмо британскому посланнику в Копенгагене. В послании содержался подробный отчет о договоре Франции и России. Каким образом британские спецслужбы смогли узнать о секретных переговорах двух императоров – осталось загадкой истории. Тем более что официально содержание этого союза пребывало под покровом тайны еще почти сто лет...

Британцы чувствовали себя довольно безопасно на своих островах, однако всегда были полны решимости противостоять каждому, кто посягнет на их независимость. Еще в тринадцатом веке король Эдуард II сформулировал статут, согласно положениям которого каждая община обязывалась действовать совместно во имя защиты от всех, кто нарушает законы короля или угрожает миру. Каждый здоровый и взрослый мужчина мог быть призван для выполнения в своем городе или в своей деревне обязанностей полицейского, а если он преследует преступника, то по его требованию все обязаны ему помогать в задержании. Так была организована оперативно действующая система безопасности, дополненная позднее регулярной тайной информационной службой.

Король Генрих VII в пятнадцатом веке создал собственную службу безопасности. Он лично отбирал кандидатов на должности «secret agent» – секретных агентов, как правило, высокопоставленных чиновников; «informet» – информаторов, тех, кто готов продавать информацию за деньги; «spy» – шпионов, профессиональных агентов тайной службы. В обязанности последних входило расширение агентурной сети за счет представителей всех слоев населения: от монахов до рыночных менял.

Разгром испанской Непобедимой армады в 1588 году стал во многом возможен благодаря деятельности британской секретной службы, сумевшей еще до начала военных действий на море получить точные сведения о численности и составе боевого флота испанцев. Эта грандиозная победа способствовала превращению Англии в ведущую морскую державу.

И такими событиями наполнена история этой страны...

– Разрешите, сэр? – В дверях показался человек небольшого роста и неприметным лицом. Это был один из заместителей Райта – человек с интереснейшей судьбой и уникальными способностями. Недавно он вернулся из Египта, где руководил борьбой арабов с турками. Союзницу Германии необходимо было разложить изнутри, и это являлось одной из важных, насущных задач Великобритании, а значит, и разведки Ми-б.

ГЛАВА 8

Местом дислокации Третьей Особой пехотной бригады на Западном фронте являлась провинция Шампань, пожалуй, больше всего из всех французских областей известная в России. Роль в ее известности играли не географические, архитектурные или исторические достопримечательности. Их в Шампани в среднем не больше, не меньше, чем в каком-нибудь другом районе этой прекрасной страны. Причина известности – более прозаическая. Это, конечно же, небезызвестный напиток, ставший во многих кругах российского общества самым любимым. Кто из нас не знает, от какого слова произошло его название? Конечно же, от имени провинции, где он производится, – Шампани. В этом регионе, раскинувшемся к востоку от Парижа, стоят средневековые соборы, не подвластные времени замки, деревушки на берегах спокойных рек, крепости в Арденнах и нескончаемые виноградники, простирающиеся между Реймсом и Эперне, насколько хватает взора.

Сектор, занимаемый русскими войсками, находился к востоку от города Реймса. Он примыкал своим правым флангом к реке Сюипп, близ села Оберив. Третья бригада входила во французскую группу войск под командованием командира Второго кавалерийского корпуса генерала де Митри. Бригада, состоявшая по преимуществу из пехотных частей, включала в себя сборную группу конных разведчиков, сформированную из самых заслуженных драгун, улан и гусар маршевого эскадрона 14-й кавалерийской дивизии. Именно в эту группу и был определен поручик.

Позиционная война, ставшая реальностью в 1914 году, коренным образом отличалась от тех вооруженных конфликтов, которые вело человечество с момента своего возникновения. Лихие кавалерийские атаки, грандиозные сражения, решавшие судьбу всей кампании, казалось, теперь навсегда отошли в прошлое. Сидение в окопах, подчас месяцами, стало привычным и обыденным. Война сводилась к обоюдным позиционным обстрелам.

Прибывший из парижской командировки Голицын не испытывал ровно никакого удовольствия от подобного ведения войны. Ему, привыкшему к активным действиям, такое «болото» казалось пустой тратой времени.

Надо сказать, что отношение к войне и у союзников было разным. Прибывшие русские части от души удивлялись особенностям позиционной войны во Франции. На русско-германском фронте таких впечатляющих фортификационных сооружений не наблюдалось.

Глубокие, в пятьдесят-шестьдесят ступенек землянки, прочные деревянные перекрытия в шесть-семь накатов казались дворцами. В офицерских землянках имелись ванны, ломберные и бильярдные столы. Неподалеку от места дислокации находился военный лагерь Мурмелон Ле Гран с солдатским и офицерским борделями и винными погребами. В этот лагерь русских союзников иногда отводили на отдых.

– Не для того я прибыл во Францию, чтобы проводить время за ломберным столом! – обозленно сказал Голицын, сидя в землянке после ужина.

– Абсолютно согласен с вами, поручик, – поддержал Голицына командир его эскадрона, – я с самого начала придерживаюсь такого же мнения.

Эскадронный был личностью колоритной. Тучный ротмистр Кураев, из нижегородских драгун, с сочной контроктавой, шикарными бакенбардами и подусниками, шумный бретер, картежник и бабник, по виду и повадкам он очень напоминал гоголевского Ноздрева. Любителю авантюры тоже было тоскливо в уютных землянках.

– Эх, знал бы я, что меня здесь ожидает... – вздохнул Голицын.

– И что тогда? Приказы, дорогой мой, не обсуждают.

Вокруг шел неторопливый разговор. Чернявый штабс-капитан Сонгин рассказывал о своем посещении английских позиций, где ему привелось побывать недавно.

– Марать сапог в окопах не пришлось: шел я по аккуратно сбитым решетчатым деревянным мосткам, спускался в землянки по обитым деревом ступеням, любовался прочными, почти красивыми блиндажами из нескольких рядов толстых бревен, пересыпанных землей. Откуда и как завезли англичане столько леса в эту безлесную равнину? – удивлялся он. – Они отводят воду, поддерживают чистоту и хотя бы скромный, но все же комфорт. После посещения их позиций французские не идут ни в какое сравнение, хотя, казалось бы...

– Англия – страна богатая, и англичане умеют жить более удобно, чем люди на Европейском континенте, – сказал прапорщик Селицкий, бывавший на Британских островах еще до войны. – Сам Лондон меня очень впечатлил. Машины двигаются почти без гудков, толпы людей идут молча – никакого шума-гама. Все по правилам. Автобусы при остановках не скрипят тормозами на всю улицу, как на парижских бульварах. Зато люди безразличны ко всему, что их лично не касается. Французы из одной уже вежливости спросят вас при встрече о здоровье, а если хорошо с вами знакомы, поинтересуются, с кем вас вчера встретили. Между тем как англичане вообще не имеют обыкновения задавать вопросы при встречах.

– Что еще бросается в глаза: англичане свято хранят традиции даже переодевания к обеду. Представляете, господа? Они способны мужественно умереть, но умереть с комфортом, – продолжил Сонгин. – Когда под впечатлением прекрасного обеда, ничем не отличавшегося от приемов в мирное время, я очутился на следующее утро в окопах, меня интересовали не столько предметы вооружения, сколько сами войска, которые я видел впервые. Поражало прежде всего то достоинство, с которым держали себя не только младшие командиры, но и рядовые.

– Английская армия живет во Франции своей самостоятельной жизнью. Англичане считают вполне нормальным иметь все преимущества перед французской армией не только в отношении продовольствия, но и вооружения, – высказался Голицын. – Война для англичан – это совсем не то, что для нас. У них она одно из четко запланированных государственных предприятий. Все должно быть строго аккуратно и симметрично, а иначе англичанин и воевать не пойдет.

Ленивый разговор тянулся дальше. Офицеры сидели в землянке, мечтая о доблести, подвигах и славе. Здесь же проводил время прибывший из Петрограда репортер газеты «Русское слово» Аркадий Санин. Он уже успел рассказать все петербургские новости и сам откровенно скучал. Понадеявшись на захватывающие репортажи с полей битв, он был сильно разочарован увиденным.

– Вы представляете, господа, – развел он руками, – раз в неделю я должен отправлять в Питер по тысяче слов репортажа, а отправлять практически нечего. Ну, не отчет же из офицерского борделя!

– А что, это идея! – рассмеялся кто-то. – Прославитесь!

В землянку вошел капитан Крылов.

– Прекрасная погода для этого времени, – сказал он, снимая фуражку. – Вы здесь, поручик? А у меня для вас известие. Причем весьма приятное, – заговорщицки подмигнул он офицеру.

– О чем вы, капитан?

– К вам прибыл гость, – многозначительно произнес Крылов, делая паузу. – Вернее, гостыя. Сейчас она ожидает вас в лагере.

– Интересно! – вмешался Кураев. – С этого момента давайте поподробнее.

– Какая-то француженка. Разглядеть я ее как следует не успел, но могу сказать совершенно точно: молодая и красивая.

– Ба-ба-ба! – заревел Кураев. – Везет же некоторым. Пока мы тут умираем со скуки, вы, поручик, сумели местную девчонку отхватить.

«Это Элен, – решил, собираясь, Голицын. – Кому же еще здесь быть? Но что случилось?»

Прибыв в Мурмелон Ле Гран, он действительно увидел ожидавшую его парижанку. С ней был французский лейтенант, доставивший ее в русский лагерь.

– Мсье! – вскочила с места девушка.

– Здравствуйте, Элен! – произнес он. – Я очень рад вас видеть, но... что вы здесь делаете?

Он обратил внимание на заплаканный вид француженки.

– Только вы можете спасти моего несчастного кузена.

– Дидье? – поднял брови поручик. – А в чем дело?

– Его... его обвиняют в шпионаже... – Покачнувшись, девушка рухнула в обморок.

ГЛАВА 9

В особняке, расположенном в пригороде Кельна, в комнате для допросов все выглядело стандартно: серые стены, привинченная к полу мебель, яркая лампа. Это обычная обстановка в учреждениях подобного рода во избежание всяких инцидентов. Мало ли – вдруг «клиент», восплавав гневом и яростью, вместо того чтобы честно сотрудничать со следствием и тем самым облегчить свое незавидное положение, внезапно пожелает обрушить стул на голову того, кто выжимает из него показания...

По одну сторону стола сидел явно деморализованный Дидье Гамелен в излохмаченном мундире, по другую – майор фон Репель, офицер из германской секретной службы III-b, отдел «Запад».

– Я оценил вашу волю к сопротивлению, поверьте, капитан, – ухмыльнулся майор. – Вы держитесь превосходно. Если вам это доставит удовольствие, то я даже согласен вам похлопать.

С этими словами немецкий офицер, состроив издевательскую мину, наклонил голову и театрально ударил в ладоши.

– Прекрасно, мсье, прекрасно, – иронически заметил он. – Вы просто герой! Поверьте, я ведь не так просто это все говорю. Работа у меня такая. Я ведь по роду, так сказать, своей деятельности навидался всякого. И всяких. Так вот, много бывало персонажей, корчивших из себя суперменов. И ничего – раскалывались очень быстро. А вы молодец.

Офицер щелкал зажигалкой, словно играясь. Француз исподлобья глядел на язычок пламени, то вспыхивавший, то снова гаснущий под пальцем человека, сидящего напротив. Говорить действительно не хотелось. С огромным удовольствием он бы сейчас превратился в таракана или еще какую-нибудь мошку и исчез бы из этой комнаты навсегда. Однако таких способностей у капитана не имелось.

После всего того, что с ним произошло, Дидье был совершенно подавлен. Мысли путались, не находя успокоения. Оно и понятно: он находился в качестве подопытного в стане врага – от подобного каждый потерял бы голову.

– Я, кстати, когда-то в молодости даже играл в театре, – сообщил немец. – Вы, наверное, будете удивлены, но это так. Конечно, я представляю, что вы думаете сейчас. Дескать, какой театр? Разве могут быть вместе этот человек и искусство? Так вот, я вам скажу, что вполне даже могут. Естественно, я не стал великим актером, все это было в университетские годы, но тем не менее кое-какое понимание жизни мне это дало. Все мы на протяжении жизни меняем множество ролей, если хотите, форм. Ничего странного в этом нет. Жизнь предлагает нам самые разные варианты. Иногда для того, чтобы мы могли выбрать один из них, а иногда для того, чтобы можно было попробовать то, чего мы еще не испытали.

Гамелен уныло молчал. Сил на то, чтобы собраться, сконцентрироваться, не было. Страшно болела голова. Видимо те, кому был поручен захват в Париже, решили перестраховаться и припечатать его как следует. То, что вокруг наблюдал Дидье, тоже особой радости не приносило.

– Что – нет настроения, мсье? – с циничным видом оскалился фон Репель. – Как я вас понимаю! Окажись я на вашем месте, я тоже, наверное, затосковал бы. Но так уж устроена жизнь: одной из двух противоборствующих сторон всегда суждено проиграть. Так происходит все вокруг нас: начиная от игры в шахматы и заканчивая грандиозным сражением. А где-то между двумя этими крайностями находимся мы с вами, мсье Гамелен. И я вам скажу – это далеко не худший вариант. Вы сделали свой ход и проиграли. Я сделал ход – и выиграл.

Француз безмолвствовал. Да и что тут можно было сказать? Пока не спрашивают конкретно, можно и помолчать.

Он приподнял голову и уставился на противоположную стену. Вот здесь можно было и удивиться, поскольку одна-единственная деталь интерьера кабинета контрастировала со всем остальным. По сравнению со спартанской обстановкой, где все было призвано способствовать продуктивной работе с допрашиваемыми, она выпадала из общего ряда. На стене висела небольшая, яркая картинка, изображавшая центр города Дрездена в восемнадцатом веке. Здания в стиле барокко, нарядная и праздничная толпа во время какого-то городского праздника, синее небо – все это настраивало на мажорный лад. Гамелен вспомнил этот вид. Незадолго до войны, в тринадцатом году ему довелось быть в Дрездене, и он будто перенесся в то лето, вспомнил и огромный купол церкви Фрауэнкирхе и...

– Любуетесь? – поймал его взгляд фон Репель. – Наверное, удивляетесь, что делает тут эта картинка? Она осталась от моего предшественника. Человек он был хороший, ответственный и любил комфорт. Даже в таких помещениях он старался создать некий уют. Я, придя сюда, многое убрал, а вот до этой вещи как-то все не доходят руки. А может быть, и оставить ее? Что скажете?

– Не знаю...

– В общем, так, мсье, давайте перейдем непосредственно к делу. Предлагаю сотрудничество, – фон Репель направил свет лампы в лицо пленнику.

– Что? – вскинул голову Гамелен. Несмотря на испуг, он презрительно хмыкнул. – Не по адресу обратились. Я французский офицер и лучше умру, чем буду сотрудничать с врагом. Мои предки столетиями стояли на страже интересов Франции. Можете и не пытаться заманить меня на скользкий путь предательства! – не без патетики высказался Дидье.

– Впечатляет, нечего сказать, – ехидно произнес фон Репель. – Право, мне стоило бы пригласить сюда зрителей и взимать с них плату за просмотр столь высокохудожественного исполнения. К сожалению, специфика нашего ведомства не позволяет мне сделать этого. А жаль! Не смешите меня: для вашей «прекрасной Франции» вы – предатель!

– О чем это вы?

– А вот смотрите – номер «Пари суар», где черным по белому написано о том, что капитан Гамелен сбежал к германцам с секретными документами.

– Что это? – хмуро спросил француз. – Очередная уловка? Поищите кого-то другого, кто станет плясать под вашу дудку.

– Ну, зачем же? Мы не настолько глупы, чтобы подсовывать вам какую-то грубо сляпанную фальшивку. Этим грешит скорее ваша контрразведка.

Гамелен взял со стола газету и ужаснулся. Да, это была правда.

В этот момент раздался резкий звук телефона. Дидье, у которого нервы были напряжены до предела, вздрогнул. Уж слишком много всего свалилось на него в последнее время. В голове, словно стеклышки калейдоскопа, мелькали недавние события: бомбардировка Парижа, русский поручик, театр, танцовщица, удар по голове... Он поморщился, глядя, как офицер с явным неудовольствием из-за прерванной «беседы» снимает трубку.

– Да, я... Что? А зачем нам это нужно, – бросал отрывистые фразы майор. – Я абсолютно уверен, что он нам больше не нужен. Он слишком многое знает, поэтому вы должны понимать, что лишние проблемы никому из нас не нужны. Да, действуйте.

Закончив разговор, офицер на некоторое время замолк, обдумывая что-то. Затем, стряхнув с себя задумчивость, ухмыльнулся.

– Что, слышали? Да, дорогой мой герой, разговоры мы здесь любим, но если нет ответной реакции, то нам этот человек ни к чему. Так что выбор есть у каждого. Если вы думаете, что все правила, связанные с бережным отношением к военнопленным, и прочая гуманитарная чушь имеют к вам хоть какое-то отношение, то крупно ошибаетесь. Это все касается обычных военнопленных, до которых по большому счету нет никому никакого дела. После войны они – кто, конечно, выживет, пойдут по домам. Но с такими, как вы, Гамелен, разговор особый.

– Я вас не понимаю.

– Вы знаете такую поговорку: уж лучше грешным быть, чем грешным слыть? А? Конечно, знаете. Я вам это все говорю совсем не для того, чтобы впечатлить вас своими лингвистическими познаниями. Вот вы тут мне произносите высокие патетические слова, гневно отвергаете мерзкие предложения... Это все прекрасно, заслуживает уважения и так далее. Но давайте реально посмотрим на вещи. Кто узнает хоть долю правды из того, что случилось с вами? Поверьте, германская контрразведка кое-чего да стоит. Вы это могли заметить уже хотя бы по тому, что неожиданно-негаданно оказались у нас в гостях. Далее. Сопротивлялись ли вы, вели ли вы себя мужественно – никто об этом не узнает. Мы позаботимся о том, чтобы вы вообще исчезли и никто и никогда вас не нашел. Понимаете: НИКТО и НИКОГДА, – отдельно и четко произнес фон Репель. – Так что давайте разговаривать.

– Чего вы от меня хотите? – простонал Гамелен, сжав руками пылающие виски.

– Вот это уже другой разговор, – кивнул немец. – А при нормальном с нами сотрудничестве мы даем гарантии благоприятного для вас исхода дела. Мы, немцы, ценим все сделанное для нас. Тем более, мой дорогой, у вас нет иного выхода, кроме того, который я вам предлагаю. Хотите кофе?

Поднявшись, немец достал из ящика стола подробную карту Шампани и развернул ее перед Гамеленом.

– Так что вы хотите от меня?

– Что я хочу? Хочу знать все о ваших русских союзниках.

– Вы же получили мой пакет.

– Да, благодарю за подсказку, мы внимательно ознакомились с его содержимым, почерпнув оттуда массу полезной информации. Но нас интересует о них все, а не только то, что было в вашем пакете!

Гамелен тяжело вздохнул, глядя на цветную карту, где разными цветами были отмечены линии фронта, красовались какие-то значки, кружочки и крестики.

– Прошу! – с полуулыбкой сказал фон Репель, наклоняясь к самому лицу француза и сверля его глазами. – Откройте душу, и вам станет легче! – елейным голоском проговорил он, издевательски подражая тону священника при исповеди в церкви.

ГЛАВА 10

Война приучает людей к неожиданностям. Многие немислимые в мирное время вещи становятся рядовыми и обыденными в военное. Но то, что случилось в Париже, вызвало не просто скандал – бурю. «Докатились! – бушевали наверху. – Теперь немецкие агенты уже работают в генштабе. Секретная информация чрезвычайной важности запросто попадает в руки противника. Это неслыханно!»

Всем, отвечающим за эту сферу деятельности, был устроен жестокий разнос, но, естественно, мало что изменилось. Дидье Гамелен как в воду канул.

Именно его исчезновение обсуждали сейчас офицеры генштаба после очередного этапа бесплодных поисков пропавшего майора.

– Не могу понять, – произнес капитан с рыжеватыми усиками, ни к кому конкретно не обращаясь. – Я прекрасно знал Дидье еще в мирное время. Мы дружили семьями, часто бывали дома друг у друга. Мне казалось, что этот человек виден, как на ладони. Я даже заподозрить не мог его в чем-то противозаконном! Не понимаю...

– Всем нам присуще ошибаться, господа, – флегматично произнес майор лет сорока. Сняв очки, он повертел их в руках и, достав белую тряпочку, принялся тщательно протирать стекла. – Я вообще придерживаюсь мнения, что доверять нельзя никому. Слишком большая роскошь. Тем более, как сами видите, это может выйти боком.

– Что значит нельзя доверять? – возмутился сидевший за соседним столом подполковник. – Как это вас понимать?

– А так и понимать. Вся эта дружба, панибратство – ни к чему, – говорил недоверчивый офицер в очках. – Во всем, особенно в таких ответственных и важных вещах, должны главенствовать законы. Как предписано, так надо и действовать. Это в гражданской жизни, где от тебя мало что зависит, ты можешь рассуждать на тему того, правильно что-то или нет. А здесь – извините!

– Я с вами не согласен. Если следовать вашей философии, то можно вообще прийти к выводу, что не нужны ни дружба, ни семья. Человек тем и отличается от иных существ, что у него есть душа, благодаря которой он может чувствовать. А стать бездушным камнем – так зачем тогда и жить?

«Не ломала тебя еще жизнь, капитан, – ехидно усмехнулся майор, глядя на оппонента. – Молод ты еще».

– И тем не менее факты остаются фактами, – развел руками штабист. – Давайте смотреть правде в глаза: Гамелен исчез вместе с совершенно секретными документами и...

В коридоре послышался какой-то шум, и в отворившейся двери показался дежурный, доложивший, что «к господину полковнику пришел посетитель».

– Какой еще посетитель? – прищурился офицер. – Кто такой?

– Это женщина, господин полковник.

– Хм, странно... Ну, просите.

Однако дежурный лейтенант не успел удалиться в коридор, чтобы привести этого самого посетителя, как тот уже сам оказался в кабинете. Это была старуха лет шестидесяти пяти с бегающими глазами. Мадам представляла собой классический тип женщины, с появлением которой в общественных местах начинаются склоки, иногда переходящие в потасовки. Такие вечно недовольны тем, что им отрезали худший кусок от колбасы или подсунули гнилые фрукты, не говоря уже о том, что «эта мырма все время косо на меня смотрит».

– Добрый день, мадам, – мило улыбнулся полковник, вставая из-за стола. – Что же вас привело к нам?

Он был немало удивлен, увидев такого нехарактерного в этом учреждении посетителя, но, как истинный француз, старался этого не показывать, скрывая недоумение за галантностью.

– Здравствуйте! – скрипучим голосом произнесла старуха. – Я вижу, если в Париже в одной комнате собралось столько офицеров, значит, войну мы точно выиграем.

Сидевший у окна капитан хрюкнул от смеха, признав, что у «мадам» имеется неплохое чувство юмора.

– Я чего пришла, – с ходу начала женщина, – у меня, конечно, не так много времени, чтобы слоняться где попало, но, как говаривал мой покойный муж, справедливость в Париже должна восторжествовать! – подняла она вверх кривоватый палец со сломанным ногтем.

«Просто живое олицетворение правосудия, – подумал капитан. – Да за ней можно записывать изречения».

– Простите... – наклонил голову полковник. – У нас так много работы, что я несколько... э-э-э...

– Да ладно, рассказывайте, – махнула та рукой, – знаю я вашу работу: бумажки перебирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.